

зы и совхозы не оправдали надежд по повышению производства хлеба, более того, привели к резкому падению производства зерна. В 1928 г. валовый сбор исчислялся 49,4 млн т, а в 1932 г. он составил - 35,5 млн т. При этом государственные заготовки хлеба возросли, партийные и советские органы на местах по существу забирали у колхозов весь урожай.

В результате коллективизации произошло разорение десятков тысяч единоличных крестьянских хозяйств, что значительно подорвало производительные силы уральского села. К концу первой пятилетки численность единоличных крестьянских хозяйств сократилась на две трети, т.е. их осталось около 30 %, в 1932 г. они засеяли приблизительно 6 % посевных площадей Уральской области. Основную роль в зерновом производстве области к концу пятилетки стали играть колхозы. Доля колхозов в посевной площади Уральской области в 1932 г. составила 79,7 %. В целом в производстве зерна на Урале отчетливо проявился спад, выразившийся в уменьшении валового сбора в 1932 г. на одну четверть по сравнению с 1928 г. Падение зернового производства было лишь одной из сторон возникшего кризиса аграрного производства в СССР.

Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму Новосибирск, 1973; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977;

Зеленин И.Е. "Революция сверху": завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10; Ефременников Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1931-1932 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала Сб.2. Свердловск, 1968; Уральское хозяйство в цифрах. 1931-1932 гг. Свердловск, 1933.

А.В.БАКУНИН (Екатеринбург)

СТАЛИНСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ УРАЛА

Проблема модернизации СССР и в том числе индустриализации крупнейшего экономического региона страны - Урала получила достаточно широкое освещение в советской историографии. Монографические исследования данной теме посвятили Дробижев, Воскресенский, Касьяненко, Озеров, Лельчук, Матушкин, Савостенко, Зуйков и другие. В них рассматриваются вопросы планирования и управления, строительства, реконструкции и освоения предприятий, формирования кадров рабочих и ИТР, их социально-экономическое положение, роль иностранной помощи, завоевания экономической независимости страны, укрепления ее оборонной мощи и т.п. Однако все эти авторы рассматривают вопросы модернизации индустрии с позиций "развернутого наступления социализма по всему фронту", пользуясь марксистско-ленинским методом формационного подхода. Несмотря на широкие исследования многие аспекты проблемы оказались слабо изученными, ряд вопросов - спорными, а некоторые - фальсифицированы. На данных исследованиях лежит тяжелый груз большевистской политизации истории страны. В 1990-е гг., в связи с утвердившейся гласностью и ликвидацией цензуры, стали появляться статьи и отдельные монографии, в которых дается более объективная оценка, с позиций цивилизационного подхода, истории 20-30-х гг. Первые подобного рода книги были изданы и на Урале.

При изучении истории индустриализации СССР и Урала необходимо исходить из объективной оценки политического и социально-экономического положения в стране, которое сложилось на рубеже 20-30-х гг. В период 20-х гг. в Советском Союзе сформировался тоталитарный режим, основными чертами которого являлись концен-

трация власти в руках одной партии, построенной по принципу вождизма, наличие одной большевистской идеологии, обязательной для всех, монополия государства на массовые коммуникации и организации граждан, осуществление массовых репрессий, призванных держать население в страхе, создание централизованного, базирующегося на государственной собственности, хозяйства, милитаризация экономики и общества с целью проведения экспансионистской политики. Основные черты формирующегося деспотического режима выявили в 20-30-е гг. русские ученые Н. Бердяев, С. Мельгунов, С. Струве, С. Франк, А. Изгоев и другие, основные его принципы сформулировали крупные западно-европейские ученые: Л. Мизес, Ф. Хайек, Х. Арендт, А. Арон, З. Бжезинский, О. Гассет и др.

В свете новых подходов к истории требуется изучить проблему создания планового хозяйства. Наличие режима личной власти, диктатуры Сталина в первую очередь, сказалось в планировании промышленного развития Урала. Сталинское руководство уделяло огромное внимание росту индустрии региона, называя Урал "становым хребтом обороны страны". Всем известно постановление ЦК ВКП(б) "О работе Уралмета" от 15 мая 1930 г. и решение XVI съезда партии о создании Урало-Кузбаса, в которых была поставлена задача создания на Урале второй основной угольно-металлургической базы страны. Наряду с этим Сталин требовал "создания новой, технически вооруженной, промышленности на Урале", обратить "серьезное внимание на нефтяное дело на Урале", организовать специальный трест "Уралнефть" во главе с опытным коммунистом-нефтяником, развернуть новое железнодорожное строительство в регионе, привлечь техпомощь заграницы, "направить" на Урал новые хозяйственные и инженерно-технические кадры, увеличить зарплату ИТР [1] Эти указания генсека выполнялись и сыграли важную роль в развитии индустрии края.

Вместе с тем осуществляя руководство индустриализацией, Сталин действовал как диктатор, применяя волюнтаризм, директивное планирование, административный нажим. Несмотря на сверхнапряженный план первой пятилетки, принятый в 1929 г., он на XVI съезде партии в июне 1930 г. потребовал пересмотреть его, ускорить темпы строительства и объемы производства продукции. Урало-Кузбасс, в частности, вместо 2 млн. т. чугуна (по первому пятилетнему плану) должен был выплавить в 1933 г. 6 млн. т. Мощность УЗТМ, первоначально запланированная в 18 тыс. т. продукции, устанавливалась в 100 тыс. т. с последующим увеличением до 150 тыс. т. в год. Такое волевое и амбициозное, ничем не обоснованное планирование вело к разбалансировке народного хозяйства, нарушало ритмичную работу предприятий истроек, создавало острейший дефицит финансов и стройматериалов, вело к "штурмам" и "авралам", систематическим субботникам, воскресникам, сверхурочным работам, широкому привлечению подневольного труда ссыльных, заключенных, депортированных народов. В итоге все пятилетние планы были сорваны, на Урале строящиеся ведущие предприятия (Магнитка, Уралмаш, Эльмаш, Березниковский химкомбинат и др.) введены с большим опозданием, а Уралхиммаш (запланированный в первой пятилетке) так и не был построен в 30-е гг. Выплавка чугуна в стране по требованию Сталина в 16-17 млн. т. в конце первой пятилетки не была достигнута ни в первой, ни во второй, ни в третьей пятилетке. В 1940-м г. металлургия СССР дала только 14 млн. т.

Как известно, в модернизации промышленности Урала, как и страны в целом, важнейшую роль играли индустриальные кадры рабочих и ИТР. Советская историография делала вывод, что под руководством Компартии такие кадры были созданы

и они обеспечили решение проблем индустриализации. К сожалению, совершенно не изученным остался вопрос об использовании принудительного труда на Урале ссыльных крестьян, заключенных и депортированных народов. Между тем он занимал большой удельный вес. Учитывая огромные масштабы строительства на Урале и наличие большого числа неосвоенных земель, сталинское руководство, проводя насильственную коллективизацию, направило в регион более одной трети всех репрессированных крестьян (I и II категории спецпереселенцев) - более 560 тыс. человек. Они трудились на всех ведущих стройках региона. Их дополняли заключенные, которые начинают широко использоваться в трудоемких отраслях с 1929 г. Число заключенных на Урале со 170 тыс. человек в 1936 г. увеличивается только в течение 1937-1938 гг. до 330 тыс. человек. С конца 30-х гг. начинает использоваться на Урале подневольный труд депортированных народов. Масштабы использования принудительного труда рабочих можно проиллюстрировать на примере флагмана советской индустриализации в Магнитогорске. В 1931-1932 гг. из 82 тыс. среднесписочного числа рабочих насчитывалось 25 тыс. так называемых "раскулаченных", около 15-20 тыс. заключенных и 1200 польских беженцев, арестованных и направленных в Магнитогорск. [2]

По проблеме руководящих хозяйственных и инженерно-технических кадров на Урале советские историки делали однозначный вывод, что они были подготовлены в ходе индустриализации. Однако до последнего времени почти не исследовался вопрос о репрессиях ИТР и их использовании в качестве заключенных. Между тем уже в 1929-1930 гг. сталинская репрессивная машина перемолола большую группу уральской технической интеллигенции. Под влиянием известных процессов в Москве ("Шахтинское дело" и "Дело Промпартии") на Урале в 1930 г. работниками ОГПУ "выявлены" "спецы-вредители" почти во всех отраслях промышленности и было сфабриковано дело об "областном центре контрреволюционных организаций специалистов, руководившем вредительской и диверсионной работой в ряде отраслей хозяйства" [3] Участникам этой организации, якобы связанной с Центральным комитетом Промпартии и действовавшим по его указаниям, инкриминировалась попытка "свержения советской власти и восстановления в СССР капиталистического строя" Были организованы суды по двум следственным делам По первому было осуждено 19 человек, в том числе главный инженер Магнитостроя В.А.Гассельблат, ведущие инженеры, члены президиума УОСНХ М.А.Соловов и Б.С.Дунаев, технический руководитель "Уралгортреста" М.А.Гирбасов, технический руководитель "Ураласбеста" И.Ф.Гергенредер, технический руководитель "Уралмаштреста" Н.И.Папатов, директор Уральского научно-исследовательского химического института и бывший директор УПИ А.Е.Маковецкий и другие крупные специалисты. [4] По второму делу проходило 72 человека. Среди осужденных главный инженер "Уралгипромеза" В.П.Крапивник, технический руководитель Гороблагодатского рудоуправления Ф.К.Францев, ведущий инженер "Уралмета" Н.С.Сазонов и др.

Осужденные к различным срокам заключения, специалисты использовались в строительстве и на промышленном производстве под конвоем и надзором работников ОГПУ-НКВД, в том числе Магнитогорске, Уралмашстрое, строительстве Уральского алюминиевого завода и других объектов. Судебные процессы над ИТР Урале имели место в 1933 г. Была "раскрыта" "диверсионно-вредительская организация" специалистов в Нижнем Тагиле и арестовано 26 человек. В общей сложности из 5

тыс. ИТР Урала в начале 30-х гг. была репрессирована не одна сотня специалистов, что нанесло непоправимый вред народному хозяйству края.

В целом по стране репрессии явились самым тяжким преступлением Сталина и его руководства, при помощи которого он стремился обезопасить свою политическую судьбу и укрепить политические позиции как единоличного диктатора. С помощью репрессий решались политические и экономические проблемы, которые в цивилизованных странах осуществляются на демократической и правовой основе. Используя массовый террор, Сталин держал общество в условиях перманентного страха. Наконец, с помощью репрессивной политики обеспечивалась дешевая рабочая сила репрессированных крестьян, заключенных ГУЛАГа, депортированных народов, военнопленных, без которых советская экономика, основанная на государственном способе производства, была неэффективной. Созданная, например, в начале 1931 г. комиссия под руководством А.А. Андреева для руководства раскулачиванием систематически заседала и решала вопросы об удовлетворении заявок ВСНХ на спецпереселенцев. Так в июле 1931 г. была удовлетворена заявка "Востокостали" на 14 тыс. кулацких семей, "Востокугля" - на 7 тыс., "Цветметзолото" - на 450 семей и т.д. [5] Советская экономика, особенно индустриализация чем дальше, тем больше развивалась, опираясь на использование дешевой рабочей силы репрессированного населения. На Урале их трудом держались такие отрасли как металлургия, добыча угля, цветных металлов, лесозаготовка, а на строительстве самых крупных заводов спецконтингент составлял нередко более 50 %.

В индустриализации Урала, как известно, определенную роль сыграла иностранная техника и технология, помощь зарубежных специалистов и рабочих. Советская историография (В.И. Касьяненко, П.Г. Матушкин, В.Н. Зуйков и др.) преуменьшала роль и значение иностранной помощи в проектировании заводов, снабжении техникой, строительстве, и освоении предприятий. Утверждалось, что индустриализация была осуществлена силами ИТР и рабочего класса под руководством Коммунистической партии, иностранная помощь была ограниченной и незначительной в своем масштабе. И если бы даже отсутствовала помощь из-за рубежа, советский народ все равно создал современную промышленность.

Против последнего положения трудно возражать. Однако надо исходить из того, что было, из фактов истории. А они, во-первых, говорят о том, что советские инженеры и техники строили заводы на Урале по образцу и подобию американских, немецких, английских, французских и других заводов. Советские специалисты неоднократно выезжали за рубеж, изучая опыт строительства этих предприятий и беря его на вооружение. Более того, проекты ряда заводов и цехов, флагмана индустриализации

Магнитогорского металлургического комбината были полностью разработаны инженерами американской фирмы "Мак-Ки". Во-вторых, основное новейшее оборудование для строящихся на Урале заводов было поставлено из-за рубежа. На Челябинском тракторном в комплектовании оборудования приняли участие 367 иностранных фирм, в том числе 203 из Германии, 67 из США, 34 из Англии, 3 из Франции. Оборудование на Уралмаш поставили более 200 зарубежных фирм. Аналогичное положение имело место при строительстве Березниковского комбината, Красноуральского медеплавильного и др. В-третьих, иностранные специалисты были в большом числе приглашены на все главные стройки Урала и осуществляли руководство или консультирование при строительстве и освоении предприятий. Так на Магнитке работало около 750 человек, на Березниковском комбинате - 200, несколь-

ко меньше на УЗТМ, ЧТЗ и др. Если учесть, что в 1930 г. во всей промышленности Урала насчитывалось около 5 тыс. ИТР, то доля иностранных специалистов была достаточно высокой, а их позиция в решении технико-технологических вопросов - нередко определяющей.

В погоне за показом успехов индустриализации историки мало внимания уделяли анализу социальных проблем, в частности материальному положению населения, в том числе голоду 1932-1933 гг., моральному состоянию в обществе, особенно в связи с массовыми репрессиями, социальным расслоением и другими важными вопросами. Зачастую в проведенных по этим темам исследованиях ученые исходили из политизированных штампов о росте материального благосостояния трудящихся, о морально-политическом единстве, ликвидации антагонистических противоречий, повышении в обществе руководящей роли большевистской партии и т.п. В итоге число белых пятен и нерешенных вопросов в изучении социальных проблем не уменьшилось, а с открытием ранее засекреченных архивов значительно возросло.

В первую очередь необходимо исследовать рост материальных потребностей населения и их удовлетворения, особенно во второй половине 30-х гг. Исследователи, раскрывая данную тему, в основном показывали рост заработной платы рабочих и служащих без учета роста цен и инфляционных процессов. Статистические материалы показывают, что потребление важнейших видов продукции в конце 30-х гг. находилось на уровне 1913 г. В 1932-1933 гг. страна, в том числе, население Урала, испытывала страшный голод. Из-за полного опустошения запасов зерна и продовольствия по хлебозаготовкам голод имел место также в деревне в 1937-1938 гг. В итоге в 30-е гг. количество умерших в регионе было выше, чем родившихся. Если в 1928 г. прирост населения составил по городам Урала 24,4 человека на 1000 населения, то в 1933 г. отмечена убыль горожан 6,9 человек на 1000 населения. [6] Еще более резкое падение рождаемости и рост смертности наблюдается в деревнях Урала.

Требует глубокого изучения социально-психологическая обстановка в обществе в годы индустриализации. Ни о каком морально-политическом единстве в обществе не могло быть и речи. Страна, в том числе и люди на Урале жили как бы в двух измерениях. В одном имели место шпиономания, доносы, перлюстрация переписки, массовые репрессии, ночные аресты и расстрелы, ссылки, тюрьмы и лагеря. В другом движение ударников и стахановцев, решения о снижении розничных цен, торжественные собрания и слеты, восторженные встречи папанинцев и легендарных летчиков, воскресные массовки, профессиональные праздники и выборы в Верховный Совет. В первом случае страшная трагедия народа, во втором - головокружительная карьера преуспевших, "выбившихся в люди". Отсюда документы и свидетельства одних о трагедии миллионов и других о счастливой и веселой жизни. Поэтому задача историков раскрыть всю сложность и противоречивость в развитии социума в условиях тоталитарного режима.

Неизученным до сих пор остается социальный состав общества. Ученые ограничивались констатацией положения Сталина о ликвидации капиталистических элементов, но даже не делали попытки поставить проблему о расслоении в обществе в связи с возникновением и ростом нового слоя партийно-советской номенклатуры. Между тем западно-европейские ученые, а также отдельные исследователи нашей страны, находящиеся за рубежом (М. Восленский, А. Авторханов), не только поставили данную проблему, но и провели глубокое изучение процесса формирования и

сущности данного класса, показав наметившееся расслоение в Советском обществе. Эта проблема на материалах Урала также заслуживает глубокого изучения.

Особое место в исследовании индустриализации занимает формирование на Урале военно-промышленного комплекса темы, которая длительные годы находилась под строгим запретом. В 30-е гг. сталинское руководство уделяло решающее значение региону, считая Урал "становым хребтом обороны страны" Поэтому здесь строились и реконструировались заводы военного машиностроения, вооружения и боеприпасов, предприятия тяжелой и легкой индустрии, обеспечивавшие всем необходимым оборонную промышленность. Это Ижевский и Златоустовский оружейные, Мотовилихинские пушечные, Пермский авиадвигательный, Свердловский артиллерийский, Челябинский, Нижне-Тагильский и Свердловский танковые и многие другие. Вместе с эвакуированными они в годы Отечественной войны 1941-1945 гг. составили мощный арсенал, обеспечивший победу советских вооруженных сил над фашистской Германией. В 40-е гг. на Урале начинается создаваться атомная промышленность, разворачивается производство атомной бомбы и ракет. Первые исследования по данной проблеме опубликовали Челябинские историки В.Н.Новоселов и В.С.Толстикова. Но это начало. Предстоят серьезные исследования, к которым уже подключаются ученые Института истории и археологии УрО РАН.

В создании ВПК на Урале огромная роль принадлежит ГУЛАГу - мощному хозяйственному комплексу, с помощью которого строились и эксплуатировались не только военные заводы, но и другие объекты промышленности и транспорта. Серьезную заявку на изучение этой проблемы на Урале сделал В.М.Кириллов, опубликовав в 2-х частях историю репрессий в Нижне-Тагильском регионе. В ней раскрыта роль ГУЛАГа в строительстве промышленных предприятий в Нижнем Тагиле и на севере Урала в 20-50-е гг. Но если учесть, что лагерные подразделения были созданы в 30-40-е гг. по всему региону и составляли около трети ГУЛАГа СССР, то станет понятно, что перед ураловедами стоит ответственная задача раскрыть во всем объеме роль этого хозяйственного комплекса в развитии промышленности, транспорта и всего народного хозяйства Урала.

1. Сталин И.В. Соч. Т.13. С.74; Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. 1925-1936 гг. М., 1995. С.147, 153, 223; РЦХИДНИ. Ф.85. Оп.29. Д.240. Л.1; Д.483. Л.1; Д.397. Л.1.
2. Скотт Д. За Уралом. М.-Свердловск. 1991. С.284-285.
3. Архивы Урала. 1995. № 2. С.41-58.
4. Там же.
5. Политическая история. Россия - СССР - Российская федерация. М., 1996. С.349
6. Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994. С.77.

А.В.БУЛАТОВА (Екатеринбург)

РОССИЯ И УРАЛ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ

Какое будущее ожидает Урал? Ответ на этот вопрос во многом зависит от решения общероссийских проблем. И одной из самых важных - отношений между регионами и центром, поскольку Россия переживает бурную децентрализацию и дезинтеграцию. Миновали ли эти процессы свою высшую точку? Пока еще центристремительные тенденции на российском пространстве перевешивают центробежные. Но это очень шаткий перевес. Россия не нашла себя как новое национальное, территориаль-